

## ГЛАВА 47

- Вер, это мне? Подписывать!?! – удивленно глянул Сергей на жену, взяв со стола толстенную стопку накладных.

- Да, Сереж, подписывай, в конце недели надо будет завезти их бухгалтеру... – сказала Вера, на миг замерев пальцами над клавиатурой, и тут же продолжив ими стучать.

- Может, пойдём поедим? – скривился я, ощущая растущее чувство голода.

- Пешком? – посмотрел на меня Сергей.

- Ну да, мне нравится... Вер, как тебе? – перевел я взгляд влево.

- Да, пошли пешком, так интереснее... – закончила та печатать, потянувшись, словно прогоняя сон из затекшего от долгого сидения тела. – Заодно прогуляемся...

Неделю назад мы впервые не поехали в заводскую столовую, а пошли пешком. Это быстро стало ритуалом. Я всегда любил пешие прогулки и был рад возможности пройтись до столовой и обратно, размяться и развеяться от офисной скуки. Выйдя с завода, мы по тропинке прошли до железнодорожных путей и по шпалам зашагали в сторону переезда. Держась за руки, Сергей и Вера шли чуть впереди. Это было трогательно, и на меня сразу накатили мысли о всех моих не сложившихся отношениях.

- Роман, ты че молчишь!?! – озорно сказала Вера, не оборачиваясь и чинно семеня босоножками по шпалам. – Что это ты сегодня молчаливый такой?

- Да он все о бабах своих думает! – взмахнул рукой Сергей и гоготнул.

- Да не думаю я о них, - вяло отбился я.

- Роман, да ты не бери в голову! – продолжила Вера. – Ты просто с ними не жил и у вас не было ничего общего, вот ты так легко и расставался с ними со всеми! Наташка, вот, хорошая была девочка, мне она понравилась, жаль, что вы расстались. Вот, если б пожили вы вместе какое-то время, вы бы уже не разбежались!

- Может и так, - пожал я плечами.

- Вот мы с Сережей сразу решили все делать вместе! Да, Сереж? – добавила Вера.

- В смысле – все делать вместе? – не совсем понял я.

- Ну, мы никуда друг без друга не ходили никогда, - сказал Сергей. – Если кого-то из нас куда-то приглашали, то мы шли всегда вдвоем. А если вдвоем не получалось, то не ходили вообще...

- Хорошее правило, мне нравится... – проникся я и задрал вверх голову. Небо было нежно-голубое и без единого облачка, лишь на западе белели два небольших барашка. Я всмотрелся в небо – воздух так нагрелся, что струился к земле маревом, сопровождаемым треском кузнечиков в высокой траве. Я был в льняных светлых штанах и черной футболке без рукавов. Касаясь моих рук, воздух приятно окутывал их теплом. Солнце пекло плечи и лицо. Я шел по шпалам и наслаждался постоянством марева и тишины. Сознание насквозь пропиталось мыслями умиротворения, в волнах которых я дошагал до кирпичного завода, миновал проходную, вошел в столовую, помыл руки, взял поднос, встал последним из нас в очередь и начал механически ставить еду на поднос, пододвигая его все ближе к кассе. Я думал о будущем, о неизвестном будущем. До сего момента я его предполагал, и будущее оправдало все мои самые смелые ожидания. Объединение с Сергеем в расчете на быстрый рывок в бизнесе сработало, и все мои ожидания сбылись с лихвой. Не вложив ни копейки, мы делали деньги почти из воздуха. Я пропитался общим делом насквозь – я думал о нем,

заботился о нем и жил им. И я ощущал, что мы почти достигли пика, подойдя вплотную к точке, когда натяжение всех нитей бизнеса стало бы максимальным.

- Семьдесят седьмой, подходи! – скомандовал голос, вернув меня в реальность.

Я повернулся на звук, Вера засмеялась. Кассирша смотрела на меня.

- Я что ли!? – ткнул себя я пальцем в грудь, глянул на нее и вниз на нарисованную на штанах цифру «77». – Ааа... иду, щас!

Я подвинул свой поднос к кассе, и кассирша принялась обсчитывать обед.

- Верок, ну спишешь с меня с общака сто девяносто рублей! – расплатившись за всех, произнес Сергей, и, расположившись за свободным столом, мы принялись обедать.

Обратный путь был таким же – сквозь жаркое море воздуха, густые запахи трав и смешавшиеся с ними эфиры от пропитанных маслом до черноты железнодорожных шпал.

- Вы в отпуск когда планируете в этом году? – сказал я. – В июле или в августе?

- А ты когда хочешь? – обернулся Сергей, я вновь плелся последним.

- Да мне вообще все равно... Я на недельку смотаюсь в деревню к родне, да и все...

- Ну, мы тогда тоже, наверное, на недельку, да, Сереж? – сказала Вера, смотря себе под ноги. Мы шли гуськом по узкой тропке вдоль полотна – Сергей, Вера и я.

- Да. Ромыч, мы тогда, наверное, первыми в отпуск уйдем через недельку? – Сергей тоже, склонив голову смотрел вниз, отчего его чрезмерные плечи нависали над остальным телом и будто вдавливали через футболку и шорты его короткие ножки в землю.

- Серый, да идите, вернетесь – я поеду на недельку... – произнес я.

Через пятнадцать минут мы нырнули в прохладу нашего офиса.

- Фуух! Жарковато все-таки, да? – глянув на меня, выдохнула Вера.

- Да, припекает, - сказал я, и увидев на столе кипу накладных, вспомнил и кивнул напарнику. – Серый, садись! Тут работы у генерального директора непочатый край!

- Да, Роман, не говори! – расплылся в улыбке тот и плюхнулся радостно в кресло. Я устроился у двери. Удобно расположившись, Сергей принялся за дело – шарик авторучки побежал по первой накладной. Я наблюдал за ним – плавно и размашисто вывел подпись Сергей и завершил ее все тем же крупным вензелем вверх. Накладная отложена в сторону, шарик побежал по следующей. Я перевел взгляд на лицо Сергея. Печать торжественности и умиротворения выступила на нем, отчего движения руки стали еще более размашисты и неспешны – Сергей наслаждался. Меня потянуло в послеобеденный сон, и я закрыл глаза.

- Все!! – гаркнул напарник, заставив меня разлепить веки. – Аж устал!!

- Завизивировал? – улыбнулся я.

Наши взгляды встретились, Сергей сиял.

- Сорок три накладные!! – выдохнул устало и радостно он. – Прикинь!!

Я улыбнулся, ощутив, насколько Сергею нравится быть руководителем. Именно в формальных проявлениях этой должности. В моем сознании вдруг сложилась цепочка из нескольких отдельных фрагментов – Сергей подписывает накладные, получает деньги в кассах, посещает банк, ведет переговоры с делегацией из «Люксхима». Сквозь все части этого странного фильма красной нитью шло одно – от всех этих действий Сергей получал удовольствие, они напоминали ему о том, кто он по занимаемому месту и по социальному статусу. «Показушник» - мелькнуло в моей голове, я рефлекторно поморщился. В общую бочку меда упала еще одна капля дегтя.

Фура с дихлофосами пришла в конце месяца, и за полдня на месте прежнего куба возникла его точная копия. Машина пришла очень вовремя, на остатках числилось всего двести коробок. Погода, после нескольких облачных дней в середине месяца, будто желая нам помочь, установилась ясная и жаркая, дождями даже не пахло.

Второе июля, понедельник. С утра я взял заготовленную с пятницы накладную на первый рейс и пошел на склад. Сеня курил у распахнутых ворот, сын его мялся рядом. Я отдал накладную кладовщику, вошел в прохладу склада – дихлофосы нависали двойной высотой над штабелями прочего товара. Я уставился на куб и замер. «Если продадим и вторую фуру полностью, это уже будет нереально круто! Даже если продадим половину, все равно будет за глаза!» - думал я, понимая, что интуиция меня снова не подвела.

Снаружи склада возник и стал нарастать звук «газели» Пети. Машина прикатила на площадку перед складом, сдала задом к нему, всунула тент в проем ворот и затихла. Дверь машины хлопнула, в склад вошел Петя и гаркнул: «Всем добрый день!!!»

Мы поздоровались.

- Че, есть че грузить!? – понизил голос Петя.

- А когда эт, Петь, у нас не было что грузить!? – развел руками Сеня.

- Да это я так! – отмахнулся тот, хихикнул. – Накладная у тебя!? Че, загружаем!?

- Ладно, грузитесь, не буду вам мешать, - сказал я и вышел из склада, направился в офис, у трансформаторной будки встретил идущего навстречу Сергея.

- Накладную перебили с Верком, в «Форте» все дихлофосы ушли! Вообще в ноль! Я набил туда побольше, прям в два раза больше!

- Ну и нормально, пусть продают, - кивнул я.

- Пойдешь со мной на склад? – улыбнулся Сергей.

- Да я только оттуда, Серый... Давай, возвращайся, - сказал я и побрел в офис.

Через несколько минут вернулся и Сергей, тут же позвонил Семенов Сеня и выдал очередной заказ. В работе время до обеда пролетело быстро. Совершив пешую прогулку к заводской столовой и обратно, все трое сыто устроились в креслах. Я сел за стол, Сергей – у двери и, будто что-то вспомнив, раскрыл с хрустом свой телефон и произнес:

- Лёньку на днях снимал! Как он пельмени ел... Хочешь посмотреть!?

Я кивнул, сказал «давай!», встал и подошел к напарнику. Вера вышла из-за своего стола и встала по другую сторону от мужа. Сергей запустил видео и тут же издал смешок:

- Блин, как Лёнька вчера ел эти пельмени...

Я склонился ниже к экрану телефона.

- Чем это от тебя так пахнет, Роман? – посмотрела на меня Вера.

- Парфюм... «Армани»... – пояснил я.

- Приятный запах, - сказала Вера.

- Какой? «Армани»? – встрепенулся Сергей.

- Да, «Армани»... «Армани Глам»... – кивнул я, перевел взгляд на Веру, произнес философски. – Девушка исчезла, а парфюм остался...

- Ну мы видео будем смотреть или будем обсуждать, кто как пахнет!? – произнес недовольно Сергей. – А то я держу уже полчаса телефон...

- Будем, Сереж, будем, - успокоила мужа Вера и склонилась вниз.

- Будем, Серый, включай! – добавил я и пхнул бедром подлокотник его кресла.

Сергей запустил видео заново – на кухне за столом в одних трусах сидел Лёня, перед ним стояла глубокая тарелка, с верхом наполненная пельменями. Толстый слой майонеза укрывал пельмени. Поглядывая в камеру телефона, Лёня меланхолично пихал в рот один пельмень за другим и медленно их пережевывал. Голубые глаза Лёни смотрели в камеру с безразличием, будто говорили – снимаешь, ну снимай, мне это не мешает, я ем и мне вкусно и поэтому все равно, снимаешь ты меня или нет.

Видео кончилось, Сергей нажал кнопку, и началось следующее – Лёня сидел на том же месте, но тарелка была уже почти пуста, на дне ее сиротливо лежал пяток пельменей.

- Прикинь, Роман, он съел всю... всю тарелку! Там было двадцать пять пельменей... – сказал Сергей, продолжая держать телефон.

- Нормально так! – кивнул я, впечатлившись. – Хороший у ребенка аппетит!

- Ооочень хороший! – хмыкнула с сарказмом Вера.

Я вернул взгляд на экран телефона – там появилась рука Сергея и потянула тарелку с остатком пельменей на себя. Лицо Лёни выразило беспокойство и скривилось. Его руки привычным движением вцепились в тарелку со своей стороны. Сергей продолжил тянуть тарелку к себе. Силы были не равны. Лёня это понял, что тут же отобразилось на его лице. Ребенок скривился сильнее, и беспокойство сменилось испугом. Лёня начал кукситься и пару раз предупредительно всхлипнул. Рука Сергея замерла и тут же возобновила усилие. Лёня заревел. Рука отпустила тарелку. Лёня выключил плач, рывком ручонки вернул себе тарелку, воткнул вилку в пельмень и сунул его в рот, начал судорожно жевать.

Уловив проскочившую в голове мысль, я хмыкнул и выпрямился.

- И он все это съел, прикинь! – произнес удивленно Сергей и выключил видео.

- Хороший аппетит! Столько и не каждый взрослый съест... – сказал я и вернулся в кресло. Вера села за компьютер. Сергей захлопнул мобильник.

- Я его, знаешь, как про себя называю!?! – произнес он, глянул на меня. – Барин!

Я улыбнулся. Хотелось сказать «есть в кого», но я промолчал и отвел взгляд.

- На выходных домой с дачи приехали... – продолжил Сергей. – Решили поспать в нормальных кроватях, помыться самим, детей помыть... Верок Лёню искупала, я его взял и отнес на диван... завернул в полотенце и отнес... Он такой сел... полотенце распахнул... танана свои развалил... взял пульт, включил телевизор...

Сергей гоготнул, раскинул руки и ноги в стороны, изображая сына, расслабленно и по-хозяйски сидящего на диване, снова гоготнул и вернулся в нормальную позу.

- Сидит такой, балдеет, смотрит телевизор... – сказал Сергей. – Лилька подходит... хотела сесть рядом на диван... Лёня такой ее ногой спихнул... Лилька встала, постояла, посмотрела удивленно и ушла!

- Да уж... – сдержался я от резкого комментария.

- Я и говорю, настоящий барин! – кивнул Сергей, с довольным видом откинулся на спинку кресла и развел руками.

На следующий день я пришел в офис первым, в пять минут десятого.

- Че, какие дела? – сказал Сергей, заявившись буквально следом, распахнул дверь привычным картинным движением и, протяну руку, замер посреди комнатки.

- Да никаких... – пожал я руку и поздоровался с Верой. – Сам только пришел.

- Ааа... – протянул Сергей, поставил портфель на полку, раскрыл его и нырнул туда рукой по локоть. – Че, Петя еще не приехал?

За окном раздался знакомый звук двигателя.

- Приехал, - произнесла Вера и юркнула на свое место.

Сергей выудил из портфеля флакон парфюма с голубым содержимым, поднес его к шее и несколько раз нажал на пульверизатор. Воздух комнаты наполнил вполне приятный запах свежести, но с примесью чрезмерной резкости.

- Купил что ли? – удивился я, не улавливая никогда прежде от Сергея какого-либо парфюмерного запаха.

- Почему купил!? – обиженно парировал тот. – Он у меня уже давно. Просто это я его с собой сюда первый раз взял. А так пользуюсь всегда.

- Ааа... – протянул я, продолжая удивляться, но не понимая, чему именно.

Сергей убрал флакон обратно, сунул портфель на привычное место, плюхнулся в кресло у двери, скрестил руки на груди и надул губы.

- Все равно, это ж получается женщину надо выбирать не только чувствами, но и... – я немного запнулся, подбирая слово, - ... но и из практических соображений что ли!?

- Роман, ну конечно, а как иначе!? – среагировал Сергей. – Тебе же с ней детей растить, семью строить! Ты ж не на один раз познакомишься, чтоб потрахаться и все...

Мы ехали в «Форт» за деньгами.

- Серый! – не унимался я, дотошно вникая в суть подхода напарника в общении с женщинами. – Хорошо, это я понимаю! Но вот ты как, помимо того, что увидел Веру и понял, что она твоя будущая жена... кроме этого... по каким моментам это еще определил?

- Да по разным... я вот помню, мы как-то спим с ней у меня... А мы с ней уже тогда встречались долго, и все знали, что у меня есть Вера, и родители мои и ее мать... и мы уже тогда практически жили вместе... ночевали почти всегда в моей комнате... у нас же четырехкомнатная квартира там, где щас Ромка с родителями живет... И мы как-то спим... а комнатка маленькая... Реально в комнате стояла кровать и шкаф и все! Вообще больше ничего! А места не было в комнате больше! Если дверь в комнату открыть, то она открывалась только наполовину – упиралась в спинку кровати... И вот мы как-то спим с ней, это одна из первых наших ночевок еще была, и я сплю, выходной, спешить некуда. А Верка вскочила в восемь утра, схватила мои трусы и потащила стирать! И я тогда подумал – вот, хорошая жена будет!

Сергей закончил, я молчал. Мой мозг, получив очередную порцию нужной пищи, зашевелился и принялся ее тщательно осмысливать.

- Блин, нормально так... – выдал я удивленно. – А ведь ты верно подметил, Серый...

- Роман, ну конечно верно! Надо просто наблюдать за бабой! Как она себя ведет дома, как в гостях, как к тебе относится... Это же все важно!

- На самом деле важно, да... – согласился я вслух больше с собой, с собственными мыслями, закружившимися в голове с удвоенным азартом, и тут же возразил. – Бля, но это сложно! Чтоб и нравилась, и была такая хозяйственная! Обычно или красивая, но такая сука! Как эта пизда Лиля! Или какая-нибудь забитая... она, конечно, хозяйственная, но почти всегда стремная!

- Га-га-га! – засмеялся своим животным циничным смехом Сергей. – Ты все никак Лилю эту забыть не можешь!?

- Да не, Серый, она мне похуй, никак меня уже давно не беспокоит! – мотнул головой я, пытаюсь высказывать свои ощущения как можно ближе к истине. – Просто это

пример такой яркий! Очень хороший урок получился для меня... А помнишь, я говорил, когда она пизданула эту свою фразу – я девушка красивая, со мной или так, или никак!?

- Ну! Помню, помню! – кивнул Сергей, смакуя всем выражением лица мои слова.

- Блять! Вот в тот момент мне так дико захотелось взять и уебать ей! – выдал я, тут же ощутив облегчение, будто на исповеди. – Прямо там! На улице! Взять и уебать! Чтоб аж завалилась нахуй на спину! Уебать и уйти! И больше не видеть ее.

- Га-га-га! – засмеялся Сергей.

- Еле сдержался, за малым не ударил. Вот если б она еще что-нибудь такое сказала, то, наверное, не сдержался бы... Но она не сказала... Ехидно, блять, улыбнулась и все...

Чувствуя, как заходила кровь по телу, и желая успокоиться, я добавил:

- Хуево, что женщин бить нельзя... Некоторые так и напрашиваются...

- А ты никогда не бил бабу? – глянул на меня Сергей.

- Не, ни разу... Да ну, Серый... – мотнул я отрицательно головой, нахмурился. – Не, женщин бить – это последнее дело. Я понимаю, хочется иногда и даже следовало бы, но... Я предпочитаю просто уйти и все... Не вижу в этом смысла. Если женщина ведет себя так мерзко, то проще, да и лучше – уйти! Смысл ее бить? Если бьешь, значит, не уважаешь ее, а если не уважаешь, то и любви там быть не может... Так... Это уже не отношения...

Мы выехали на Окружную и покатали быстрее. В открытые окна салона врвался жаркий воздух, кружил в замкнутом пространстве и затихал где-то на задних сидениях.

- Роман, открой бардачок, там у меня очки лежат, дай! – сказал Сергей, щурясь от яркости солнца. Я глянул на панель приборов, где обычно лежали очки Сергея, там их не было, открыл бардачок.

- Тут вот такие только... – сказал я, выуживая оттуда другие очки, совсем простые по дизайну. – Других нет...

Да, эти, - взял из моих рук очки Сергей и надел.

- А где ж твои очки? – удивился я.

- Да у тех дужка сломана, на вылазке прошлой сломали... Мелёха жопой сел на них, они тут, на твоём сидении лежали... ну и сломал дужку! Пришлось новые покупать!

- Бля, хуево! – произнес я, взглядываясь в новые очки. Темные зелено-черные стекла в хромированной окантовке к лицу шли Сергея ровно настолько, насколько бы подходили любому другому, имеющего хоть какое-то представление о сочетании линий лица и очков.

Я разочарованно отметил, что магия, какую прежние очки создавали в сочетании с лицом Сергея, исчезла совершенно. Теперь передо мною сидел просто мужчина в простых солнцезащитных очках – среднестатистический образ.

- Те очки тебе очень шли, Серый! – продолжил я. – Просто идеально сидели! Прямо, как будто заточены были под твоё лицо! А эти не... обычные...

- Да!? – тут же бросил на меня быстрый взгляд напарник, закусил губу.

- Да. Вообще охуенные очки были! Пиздец, сидели, как влитые! Ты в них охуенно смотрелся! И ты еще смуглый, а у них стекла коричневые и дужки под золото – идеальное сочетание со смуглой кожей! А эти... так... – закончил я с досадой в голосе.

- Бля, Роман, ну сломал Мелёха мне те очки! – нервно выдал Сергей. – Мне самому они нравились! А эти так пришлось купить... Я ж не могу на ярком солнце без очков быть, у меня глаза болеть начинают...

- А те где?

- Да дома лежат... – произнес расстроено Сергей.

Приехав в «Форт», мы припарковались напротив центрального входа.

- Ты здесь побудешь или со мной пойдешь? – уточнил Сергей.

- Не, пойду в торговый зал, посмотрю витрины, - сказал я.

Мы вышли из машины, Сергей выудил из багажника портфель, и мы поднялись по ступенькам и зашли в прохладу торгового зала. Сергей пошел в кассу, я же нырнул в ряды витрин и принялся по укоренившейся привычке изучать товары и цены. Минут через пять Сергей вернулся.

- Все, получил? – произнес я.

- Да, получил, - сказал он, глянул на витрины. – Че тут?

- Да все, вроде, то же самое...

- Ааа... ну че, поехали?

- Да, поехали...

Мы вышли из здания, сели в машину, Сергей сунул мне листы с остатками товара.

- Заебись! – произнес я, увидев на последнем из них цифру «320 000».

Двести мы положили на счет фирмы, а оставшиеся ушли в оплату строящейся «однушки».

Следующую неделю я проработал один – Сергей с Верой взяли отпуск. Наш бизнес настолько отладился за два года, что работал почти автоматически – каждое утро я вручал Сене накладные на день, после собирал заказы клиентов на следующий. На это я тратил не более двух часов и прочее время сидел в офисе наедине с собственными мыслями.

Суббота 14 июля – день моего рождения. К обеду настроение было бесповоротно испорчено очередной руганью между отцом и матерью. «Дебил!!! Колхозник!!! Жлоб!!!» - вопила на него во весь голос мать. «Дура. Ненормальная. Сука», - бормотал отец, бродя по квартире и, как всегда, по итогу ретировался с сигаретой на балкон. Всем этим я был сыт по горло и укатил в центр, где бесцельно пробродил до темноты. Летний день, пребывая в своем зените, угасал невыносимо долго. Зная, что посетители потянутся в «Чистое небо» лишь после десяти, я не вытерпел и спустился в клуб на полчаса раньше.

Заведение пустовало, официантки лениво слонялись под тихую фоновую музыку. Я по привычке приткнулся к малой стойке.

- Че такой кислый? – произнес бармен.

- Да так... – пожал я плечами и осознал, что весь день хожу с угрюмым выражением лица, прокручивая в голове перебранку родителей. – Виски есть?

Бармен кивнул и в несколько движений исполнил заказ – виски с колой.

- Твое здоровье! – поднял я стакан и сделал большой глоток. Желудок поджался, но мне было все равно. Едва алкоголь попал в кровь, я ощутил внутреннее расслабление. Из темноты пустого и тихого танцпола вынырнул диджей.

- О, какие люди! – протянул он мне руку, я пожал.

- Че, какие новости? – задал диджей дежурный вопрос.

- Да никаких вроде новостей... День рождения у меня сегодня... Как тебе новость?

- О! – изобразил тот удивление. – И сколько же...?

- Тридцать, - кивнул я с философским видом.

- О! От меня поздравление будет! Поставлю для тебя, уже даже знаю что!

- Буду ждать, - кивнул я, диджей засуетился и исчез.

Я посмотрел в пустой стакан.

- Повторить? – ухмыльнулся бармен.

Я кивнул и получил второй стакан с пойлом, сделал глоток. Виски уже не казался резким. Легкая эйфория пропитала тело вслед за алкоголем. Мимо в обратную сторону прошел диджей. Спустя мгновения ожил танцпол, и из его темноты зазвучала музыка. Я слегка задвигался в такт, ощущая прилив настроения. Словно привлеченные звуком, в заведение потекли посетители. Через полчаса клуб был заполнен более чем наполовину. Мой слух вырвал из потока музыки начало нового трека:

Солнце осветило горизонт -  
Утро оборвало мой сладкий сон,  
Я проснулся, я был поражён:  
Ощутил годам урон.

Словно в первый раз я увидел свет,  
Словно в первый раз я был им согрет,  
Годы ощутил, хоть я и не дед -  
Мне сегодня тридцать лет!

Я напрягся, стакан замер в руке. Слова проникли в меня, и я, подпевая, зашевелил губами. Песня вызвала скачок эйфории – ощутив себя в центре слов, я стал каждое из них пропускать сквозь себя.

В этот день родили меня на свет,  
В этот день с иголки я одет,  
В этот день теплом вашим я согрет:  
Мне сегодня тридцать лет!

В этот день скажу юности: "Привет!"  
В этот день я в зрелость возьму билет,  
В этот день и водка не во вред -  
Мне сегодня тридцать лет!

Вдруг внутри меня возникла злость, и я сделал большой глоток, пытаюсь погасить ее. Чувство вскипело мгновенно, я успел лишь осознать, что это какая-то темная злость, вызванная людьми из прошлого, накопившаяся и всколыхнувшаяся вдруг. Я сделал еще глоток и стал скользить взглядом по лицам посетителей – подавляющее большинство их было моложе меня. Даже значительно моложе. «Двадцать-двадцать пять лет», - прикинул возраст публики клуба. С зародившимся волнением я начал искать в толпе ровесников. Их не оказалось, передо мною мелькали лишь совсем молодые лица. Вдруг в ту же секунду я отчетливо понял, что мое время и всех тех, кого я знал в «Чистом небе», вышло. Словно кто-то невидимый перевернул страницу жизни, смахнув ею нас, тридцатилетних, с яркой витрины с названием «молодость» и пустил туда шумных, энергичных и легкомысленных двадцатилетних. Их глаза горели жаждой жизни, искрились и били энергией и здоровьем. Наши же глаза тридцатилетних уже частично перешли в режим сбережения энергии и смотрели на окружающий мир сквозь прищур обозначившихся мимических морщин.

«Бежать надо отсюда! Бежать как можно дальше! Надо жить, начинать жить, а не прозябать здесь и тратить время впустую! Оно уходит! Я убиваю здесь свое время! Жизнь уходит... Чтоб она прошла вот так со стаканом в руке в каком-то клубе... Бррр... Нет!» - заскакали в моей голове мысли, подогреваемые алкоголем.

Я допил содержимое стакана в два глотка и выскочил на улицу, перешел дорогу на противоположную сторону и, чуть успокоившись, остановился. Обернулся. В который раз я стоял на этом месте и смотрел на вывеску клуба. И тут невероятно тоскливо защемило в душе. Ком в груди запер дыхание, слезы подкатили. Я едва не заплакал.

«Мне тридцать лет! Тридцать! Еще вчера было двадцать девять, двадцать... главное – двадцать! А тут – тридцать! Мне никогда уже не будет двадцать два, двадцать три, даже двадцать девять не будет никогда! Мне теперь будет только тридцать... три, пять... девять! Кошмар!» - почти запаниковал я, силясь унять дергающиеся мысли. Я вдруг так отчетливо понял эту простую мысль. Я будто в день своего очередного дня рождения шагнул вперед, и позади меня тут же захлопнулась дверь. «Десятилетие двадцатилетних» - было написано на ней. Я дернул за ручку, дверь не поддавалась. Я стал дергать сильнее и сильнее – дверь не поддавалась. Путь назад был отрезан навсегда...

«Все! Это конец! Я никогда, никогда не попаду обратно!» - металось что-то в моей груди, ком снова подкатил к горлу, я усилием воли почти его сдержал. Глаза увлажнились. В памяти побежало прошедшее десятилетие – уход из армии, первая работа, начало своего дела, окончание института, бизнес. Я будто видел себя со стороны. Двадцать лет – совсем «зеленый», высокий худой и нескладный. Двадцать шесть – энергичный и возмужавший. Двадцать восемь – чуть уставший, задающий себе все больше вопросов. И... обрыв пленки – тридцать. И все мгновения прошедшего десятилетия стали мне вмиг нестерпимо дороги. Плохое и хорошее – я не хотел расставаться ни с чем. Все эти события хранились в моей памяти, как хранятся фотографии в семейном альбоме. Удачные и не очень, оборванные, потерянные, мятые... всякие. Они и были моим альбомом жизни. Я любил их всех, каждую фотографию тех дней моей жизни. Машины катили по проспекту, люди проходили мимо, а я все стоял и смотрел через дорогу на неоновую вывеску. Смотрел и понимал, что какая-то часть моей молодости теперь навсегда связана с этим местом. И связь эта стремительно удалялась в прошлое. Страница жизни под названием «Чистое небо» – яркая и искренняя – перевернулась навсегда. Я развернулся и пошел прочь. Следующее десятилетие глядело на меня темнотой улиц. Я шел и всматривался силой мысли вперед в свое будущее, но не видел там ничего из того, чем я занимался и жил. Я видел будущее, совершенно отличное от действительности. И я ощущал, что между настоящим и будущим пропасть, преодолеть которую мне придется в следующие десять лет. Время, шедшее в предыдущие десять лет безалаберно и беспечно, вдруг стало жестче – оно побежало.

Я тряхнул головой, желая избавиться от тяготивших раздумий, вынул из карманов руки и пошел быстрее, словно решив не упустить последующие годы.